

Заглавие статьи	Полицейский надзор в Российской империи
Автор(ы)	С. Н. Токарева
Источник	<i>Вопросы истории</i> , № 6, Июнь 2009, С. 94-104
Рубрика	• СООБЩЕНИЯ
Место издания	Москва, Россия
Объем	37.6 Kbytes
Количество слов	5030
Постоянный адрес статьи	http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/20330476

Полицейский надзор в Российской империи

Автор: С. Н. Токарева

Юридическое оформление в Российской империи полицейский надзор получил с принятием Положения о полицейском надзоре 12 марта 1882 г., нормы которого в дальнейшем конкретизировались и дополнялись уставами и распоряжениями. В российском законодательстве устанавливалось понятие "полицейский надзор" как мера предупреждения преступных деяний против существующего государственного порядка, учреждающейся над лицами, вредными для общественного спокойствия¹. Из определения видно, что он рассматривался в качестве механизма превентивного характера, который был призван контролировать деятельность отдельных лиц. Цель этой меры - выявление и пресечение в первую очередь возможных покушений на существующий правопорядок в стране и преступлений политического характера. Однако последняя часть определения дает возможность широкой трактовки понятия "полицейский надзор", так как "вредными для общественного спокойствия" можно было признать широкий круг преступлений и проступков.

К началу XX в. в Российской империи существовало несколько видов полицейского надзора: подследственный, учреждаемый до рассмотрения дела судебными органами; судебный, устанавливаемый по приговору суда и административный, назначаемый правительственной властью без вмешательства суда.

Подследственный надзор учреждался над обвиняемым в преступлении для пресечения любых способов уклонения от следствия и суда до их окончания и назывался "особым надзором полиции"². Основания для его назначения не зависели от вида и тяжести совершенного противоправного деяния. Например, в 1902 г. курянин "С. Л. Мирленко, находясь в пьяном виде в помещении народной чайной в с. Глушково, ругал портрет Государя Императора матерными словами"³, в связи с чем было возбуждено судебное разбирательство, а до вынесения решения он был подвергнут подследственному надзору.

Особый надзор полиции устанавливался должностными чинами полиции по решению представителей судебной власти и чинов отдельного корпу-

---

Токарева Светлана Николаевна - кандидат исторических наук. Российский открытый социальный институт.

са жандармов, производящих формальное дознание по государственным преступлениям. Эти лица должны были направлять в соответствующее полицейское управление требование с просьбой подчинить особому надзору обвиняемого в преступлении. Для его осуществления в зависимости от места жительства подследственного указанное требование передавалось тому или иному исполнительному чину органа правопорядка. Далее процедура проходила следующим образом: полицейский объявлял обвиняемому под расписку полученное распоряжение об учреждении над ним особого надзора; изымал документы на жительство и брал подписку о том, что поднадзорный без разрешения власти не имеет права никуда отлучаться⁴; сообщал по месту его приписки учреждению, выдающему виды на жительство, о невыдаче данному лицу паспорта с указанием причин впредь до особого распоряжения; вносил сведения о подследственном в установленную книгу о поднадзорных; назначал ему сроки периодической явки к ближайшему наблюдающему за ним чину полиции, где поднадзорный расписывался о явке; доносил полицейскому управлению об учреждении над обвиняемым надзора и прилагал выписку из книги на поднадзорного. Полицейское управление заносило по выписке поднадзорного в свою книгу и сообщало об учреждении надзора тому органу, от которого было получено требование⁵.

В данном случае общая полиция лишь следила, чтобы подследственный жил в избранном им месте жительства и мог быть в любой момент вызван или доставлен к тому лицу, распоряжением которого был учрежден надзор. С его разрешения обвиняемый мог переменить место жительства. Если он скрывался, то об этом доносилось в полицейское управление с указанием особых примет и по возможности фотокарточки. Правоохранительные структуры производили розыск и уведомляли о побеге организации, по требованию которых был учрежден надзор. При обнаружении сбежавший задерживался и доставлялся обратно этапным или транспортным порядком. За этот проступок в месте надзора он привлекался к судебной ответственности по ст. 63 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в соответствии с которой назначался арест до трех месяцев или денежное взыскание до 300 рублей. О задержании скрывшегося обязательно уведомлялись представители судебной власти или жандармерии.

Распоряжение о прекращении надзора выдавалось прокурорами судов или окружными судами после окончания дела об обвиняемом или после вступления в законную силу судебного приговора. Об освобождении отмечалось в соответствующей графе книги о прекращении надзора и объявлялось оправданному. Об этом доносилось полицейскому управлению, которое сообщало о том прокурору суда или окружному суду. При окончании надзора в случае прекращения дознания и следствия бывшему обвиняемому возвращались отобранные документы. Если же лицо было осуждено, то они пересылались на хранение по месту их выдачи.

Второй вид надзора - судебный - выступал в качестве карательной меры для предупреждения совершения преступных деяний со стороны лица, уже отбывшего по суду назначенное ему наказание⁶. Например, крестьянин Тульской губернии В. И. Прошин был обвинен в государственном преступлении и подвергнут "тюремному заключению на 2 месяца, с подчинением затем гласному надзору полиции на два года"⁷, которые он провел в Курской губернии.

Исполнение приговоров было возложено на Губернские правления. Они заранее требовали от осужденных, у которых заканчивались сроки заключения, отзывы о том, в каком месте они желали бы отбывать полицейский надзор. Это было необходимо для того, чтобы исключить возможность из-

брана той местности, где воспрещено проживание лиц, отданных по судебным приговорам под надзор полиции. Если заключенный добровольно отказывался от такого выбора, то Губернское правление было вправе само назначить один из дозволенных уездных городов губернии. Надзор утверждался "в избранном местожительстве вне столиц, столичных губерний, университетских городов, а также тех фабричных местностей, в коих пребывание надзорного лица было признано Министерством внутренних дел вредным". К последней категории относились территории в следующих губерниях: Тверской, Ярославльской, Костромской, Нижегородской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Пермской, Уфимской, Орловской, Екатеринославльской, Бакинской, Черниговской, Таврической, Варшавской и Петроковской, Области Войска Донского, Белостокском уезде и городах: Николаеве, Елисаветграде, Вильне, Риге и Либаве, а также в местности Кривом Роге Херсонской губернии ⁸. Включение в их число других местностей осуществлялось решением Совета Министров по представлению министра внутренних дел, утвержденного императором ⁹.

Положения о месте пребывания лиц в период действия полицейского надзора были конкретизированы в начале XX века. Существовали следующие ограничения: поднадзорным воспрещалось жительство в указанных законом губерниях, уездах, городах и иных местностях; в случае неизбрания места жительства или освобождения из-под наказания оно определялось местным губернским начальством; поднадзорным запрещалось, без особого разрешения местной полиции, оставлять избранное или назначенное место жительства до истечения полугода по водворении в нем; по истечении этого срока позволялось переменить место проживания не иначе как с ведома местной полиции ¹⁰.

Конкретизируя первый пункт, в законе указали, что поднадзорные не имели права жительства или пребывания: в столицах и во всех местностях столичных губерний; в губернских городах, их уездах и во всех местностях, располагавшихся от губернских городов ближе 25 верст; во всех крепостях и местах, находящихся от них ближе 25 верст, в тех городах или местностях, в коих по особым Высочайшим повелениям не разрешалось водворение поднадзорных ¹¹. Кроме того, иногда лицу предлагалось сменить место жительства, например в случае общественных беспорядков в данной или в соседней губернии ¹².

Для следования к месту отбывания надзора бывший заключенный снабжался проходным свидетельством или же отправлялся по этапу, если не имел достаточных средств к следованию ¹³. В документе указывали срок, за который необходимо прибыть к месту, и маршрут с точным указанием конечного пункта и продолжительностью остановок в пути. Если нравственные качества и поведение поднадзорного не давали достаточных гарантий в добросовестном следовании, то применялся этапный способ передвижения за счет казны ¹⁴. Губернские правления оповещали полицейские управления о прибывающем лице с приложением выписки из приговора суда.

Поднадзорный, так же как и в первом случае, прикреплялся к исполнительному чину полиции, которому передавались имеющиеся документы на прибывшего, в том числе и выписка из приговора суда, в силу которого он подвергался ограничению прав и надзору полиции. Такая же копия отсылалась по месту приписки поднадзорного для того, что бы он не смог получить вида на жительство до окончания срока надзора ¹⁵.

Полицейский посредством волостного старшины водворял поднадзорного в местное общество (причем согласия последнего не требовалось), о чем давал знать участковому уряднику или стражнику для наблюдения за ним и

для строгого исполнения правил о поднадзорных. Прибывшего также вносили в книгу о поднадзорных конкретного общества и полицейского управления (общую как для лиц, находящихся под надзором полиции по распоряжению административных и судебных властей, так и для поднадзорных по судебным приговорам) ¹⁶.

Чины общей полиции были вправе: наблюдать за действиями, поведением и местожительством поднадзорного; удостоверяться днем и ночью о том, находится ли он дома; производить при необходимости в любое время домашние обыски; не позволять у поднадзорного любых сборищ (а в случае какого-либо собрания должно было быть получено специальное разрешение); наблюдать за явкой лица к классному чину полиции в установленные сроки; следить, чтобы поднадзорный никуда самовольно не отлучался; доносить непосредственному начальству о побеге и принимать меры к его обнаружению; наблюдать, чтобы в данном районе не проживали поднадзорные из других мест; задерживать и доставлять их непосредственному начальству; доносить о смерти поднадзорного и о взятом вторично под стражу; наблюдать, чтобы "надзираемые" не участвовали в общественных собраниях и не подавали голосов, а также не были избраны на должности.

Для легальной перемены места жительства поднадзорный обязан был ходатайствовать об этом перед полицейским управлением, с указанием новой местности. Но оно не могло дать положительного ответа до получения согласия того полицейского управления, в уезд которого желал переехать проситель. Выезд за границу запрещался.

В случае если поднадзорный скрывался, то его разыскивали правоохранительные структуры и после обнаружения обязательно по этапу отправляли обратно, где он привлекался к ответственности за отлучку и проживание без установленных видов. Наказание выражалось посредством денежного взыскания в размере не более 15 коп. за каждый день, но в общем не более 10 рублей ¹⁷.

При наличии положительных отзывов поднадзорным могли выдаваться паспорта сроком на один год. В них указывалась отметка о судимости с указанием существа приговора, а также надпись о местах, где проживание поднадзорных было запрещено. По окончании надзора эти "виды" заменялись новыми без отметок о судимости, если было разрешение губернского начальства об их исключении. Лицам, состоящим в силу судебного приговора под особым надзором полиции, паспортные книжки не выдавались.

Срок судебного надзора начинал исчисляться со дня освобождения осужденного из места заключения. Время, проведенное в отлучке или бегах, также засчитывалось в общий срок, так как в законе не было прямого указания, что учитывается лишь фактически проведенное время в месте надзора ¹⁸. По истечении срока лицу объявлялось о прекращении надзора, о чем делалась отметка в соответствующей книге и доносилось через полицейское управление Губернскому правлению или прокурору суда.

Губернаторы, местная полиция и военное начальство для предупреждения и пресечения нарушения общественного спокойствия, порядка, благочиния, личной и имущественной

безопасности также наделялись правом учреждения за гражданами надзора полиции. При этом составлялось ходатайство министру внутренних дел об административной высылке, где полицейское управление указывало основания, срок предполагаемого надзора и сведения о гражданине. Эти представления рассматривались в Особом совещании при МВД, под председательством заведующего полицией товарища министра и состоящего из четырех членов - два от МВД и два от Министерства юстиции. Постановления совещания утверждались министром внут-

стр. 97

ренных дел. Высылка устанавливалась на срок от одного года до пяти лет и в тех местах Российской империи, которые не объявлены на исключительном положении. Само лицо подчинялось административному надзору¹⁹, который также мог учреждаться в месте его жительства, если оно не входило в список запрещенных территорий²⁰.

После вынесения решения о нем уведомлялся начальник той губернии, в которой должен был осуществляться полицейский надзор. Указывалось, что "по рассмотрению в Особом совещании обстоятельства дела о [фамилия, имя и отчество обвиненного, его звание и место жительства, а также кратко излагалась суть дела, на основании которого он преследовался] и о подчинении его [фамилия лица] гласному надзору полиции на [срок надзора и с какого момента его считать]"²¹.

Истечение срока надзора начиналось со дня утверждения постановления Особого совещания. Но в этом случае время, проведенное в бегах, не засчитывалось в срок административной высылки и гласного надзора²².

После прибытия лица в назначенное место полицмейстер или уездный исправник сообщал местному губернатору и жандармскому управлению о том, что "надзор за ним учредил"²³. В местном полицейском управлении заводилось особое дело на каждого поднадзорного. В первую очередь составлялась специальная Ведомость (или Список) о лице, прибывшем под надзор полиции, в которой отмечались следующие сведения: фамилия, имя и отчество, звание, местожительство, вероисповедание, возраст; по какому распоряжению и за что, откуда и куда выслан; с которого времени, какому надзору или ограничениям подвергнут и на какой срок; где водворен на жительство, чем занимается, получает ли от казны пособие и в каком размере; из кого состоит семейство и где оно находится²⁴. Эта Ведомость при перемещении лица пересылалась в полицейское управление по месту его выбытия, а за три месяца до окончания положенного срока надзора она доставлялась в Департамент полиции²⁵.

Начальник городской или уездной полиции должен был отобрать у поднадзорного все документы о его личности, звании, заграничный паспорт, а также вид на жительство, которые хранились в местном полицейском управлении. Взамен выдавалось свидетельство на проживание в назначенной местности без обозначения в нем того, что он находится под надзором²⁶.

Поднадзорный был обязан жить в определенном месте и не имел права отлучаться без разрешения надлежащей власти. В случае перемены квартиры в городе он должен был в течение суток донести о том местным правоохранительным органам. При переезде из одной губернии в другую поднадзорный был обязан спрашивать через губернатора разрешение министра внутренних дел.

При одобрительном поведении состоящему под надзором разрешались временные отлучки по особо уважительным причинам: в пределах уезда - местным начальником полиции, по губернии - губернатором, а в другие губернии - министром внутренних дел²⁷. Основаниями удовлетворения данной просьбы считались: угрожающая смертью болезнь родителей, жены или детей; опасность разорения его семьи, которая не может быть устранена без личного участия поднадзорного, а в пределах уезда передвижение допускалось и при других обстоятельствах²⁸.

Отлучки разрешались на определенный срок и в конкретное место без права остановок в пути. Поднадзорному выдавалось проходное свидетельство и маршрут, в которых содержались необходимые сведения и куда вносились записи о его отбытии и следовании в пути. При возвращении эти документы сдавались местному полицейскому начальству²⁹.

стр. 98

В силу уважительных причин (болезнь, отсутствие средств к существованию и невозможность найти какой-либо заработок) МВД могло удовлетворить ходатайство поднадзорного об отбытии срока в другой местности (например, где находились родственники, желающие взять его на попечение). К примеру, дворянке М. Е. Солодиловой, состоящей под гласным надзором в г. Екатеринославле, в 1900 г. было разрешено перейти на жительство к отцу в д. Сазоновку Тимского уезда Курской губернии³⁰. Это решение сообщалось губернатору, который доводил до сведения соответствующее полицейское управление. А оно в свою очередь ставило в известность поднадзорного, о чем брало с него расписку. Основанием отказа в просьбе могло служить прошение перейти на жительство в запрещенную губернию³¹.

Если состоящий под надзором полиции удалялся с места, определенного для его пребывания, или пробыл без уважительных причин в отлучке более назначенного времени, то органами правопорядка принимались меры по его розыску³². В пределах нескольких губерний этот вопрос решался по соглашению между губернаторами³³. За такой проступок поднадзорный подвергался: в первый раз - аресту на время от одного до трех дней; во второй - от семи дней до трех недель; в третий - заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев³⁴. По распоряжению Департамента полиции о каждом исчезновении полицейские должны были немедленно доводить до сведения начальника местного жандармского управления³⁵.

В правовом положении поднадзорные ограничивались в реализации части своих гражданских прав, о чем им объявляли при прибытии "на место водворения". Они не могли состоять на государственной или общественной службе, но с разрешения министра внутренних дел их могли допустить "к письменным занятиям в правительственных и общественных учреждениях по найму"³⁶, за исключением полицейских органов, волостных правлений и всех учебных заведений³⁷. Лица, годные к военной службе, привлекались к ней после истечения срока надзора³⁸. Поднадзорные не имели права быть учредителями, председателями и членами в частных обществах и компаниях, а также председателями и членами конкурсных управлений. Только с разрешения министра внутренних дел они могли быть опекунами и попечителями. Лицам, состоящим под надзором полиции, воспрещалось также: педагогическая деятельность (принятие учеников), публичные выступления (чтение лекций, участие в заседании ученых обществ и сценических представлениях), содержание типографий, литографий, фотографий, библиотек и служба в них, торговля книгами и принадлежностями тиснения, содержание трактирных заведений и торговля питиями. Врачебная, акушерская и фармацевтическая

практика дозволялась им только с разрешения министра внутренних дел³⁹. С учреждением надзора лица теряли возможность выступать в качестве поверенных (кроме присяжных и частных поверенных) в судах по гражданским делам (в случаях, указанных в ст. 389 и ст. 406 Учреждения судебных установлений) и во всех уголовных делах (за исключением, если дело касалось его самого, его родителей, жены или детей)⁴⁰. Губернаторы могли запрещать поднадзорным и другие занятия, если они являлись средством осуществления предосудительных замыслов или по местным условиям представлялись опасными для общественного порядка и спокойствия. Об этом доводился до сведения министр внутренних дел, который был вправе отменить или оставить в силе данное распоряжение.

Если же лицу, уже состоящему под гласным надзором, была назначена новая должность или присвоено какое-либо звание (служащего канцелярии или железной дороги, врача, учителя или он поступил в ученики⁴¹, через губернатора о кандидате запрашивались сведения. Когда данные о его нрав-

стр. 99

ственных качествах и политической благонадежности от местных полицейских и жандармских управлений были удовлетворительными, в решении указывалось, что "препятствий со стороны Департамента полиции не имеется". В противном же случае отмечалось о нежелательности предоставления должности или звания⁴².

В каждом отдельном случае министр внутренних дел мог воспретить поднадзорному непосредственно получать свою частную корреспонденцию. В этом случае местным отделениям почтовых и телеграфных учреждений передавались списки таких лиц. Письма и депеши, приходящие на имя этих поднадзорных, а также их исходящая корреспонденция, в губернских городах передавались начальнику жандармского управления, а в уездных - уездному исправнику, а в случае предосудительного содержания они также передавались в жандармерию⁴³.

При хорошем поведении и образе жизни по представлению губернатора министр внутренних дел мог освободить поднадзорного от некоторых ограничений. Более того, если это было достаточным ручательством исправления, то возможно было удовлетворение ходатайства об отмене над лицом полицейского надзора⁴⁴. Иначе при нарушении правил поднадзорные подвергались аресту при полиции или тюрьме: по постановлению местного начальника полиции - на срок до трех суток, по распоряжению губернатора - до семи дней, по предписанию министра внутренних дел - до одного месяца⁴⁵.

В качестве социальной помощи поднадзорные лица, не имевшие собственных средств к существованию, и последовавшие за ними семейства имели право на получение от казны пособия, а также выплат на одежду, белье и обувь. Но этой возможности они лишались, если уклонялись от занятий "по лености, дурному поведению или привычке к праздности". Кроме того, тот же круг лиц "призревался" в больницах тоже за счет казны⁴⁶. Центральными органами ежегодно ассигновывался кредит на их содержание⁴⁷. Он находился в Главном казначействе в ведении Департамента полиции, по распоряжениям которого при возникновении необходимости и ассигновывались местным кассам отдельные переводы⁴⁸.

Надзираемые могли защищать свои интересы и направлять в Департамент полиции жалобы на "дерзкое обращение с ними и оскорбление со стороны чинов местной полиции", на основании которых проводилось расследование ⁴⁹.

При одобрительном поведении срок состояния под надзором полиции мог быть сокращен на одну треть (п. 7 ст. 28 Высочайшего манифеста). Особым распоряжением поднадзорного могли освободить и от оставшейся части, но ограничения в дальнейшем местожительстве сохранялись ⁵⁰. Кроме того, в силу высочайшего манифеста от гласного полицейского надзора освобождались лица, которым не исполнился 21 год ⁵¹.

По окончании срока пристав рапортовал начальнику местной полиции, который сообщал об этом губернатору с краткой характеристикой поднадзорного (например, "за время состояния под надзором ни в чем предосудительном не замечен"; или, наоборот, отмечалось его плохое поведение и связи с неблагонадежными лицами) ⁵². При прекращении уголовного преследования губернатор делал распоряжение об отмене учрежденного надзора полиции, а полицейские учреждения объявляли это бывшему поднадзорному лицу ⁵³. Они также составляли специальную Ведомость о перемене положения и освобождении из-под надзора, в ходе чего лицо исключалось из числа поднадзорных ⁵⁴, и ему возвращались все документы.

После освобождения из-под надзора полиции могло подаваться прошение о возвращении на родину или переезд в другую местность (причем быв-

стр. 100

шему поднадзорному и его семье, не имевшим средств, могло выдаваться пособие для отъезда). Министерство внутренних дел через губернатора и органы полиции могло воспретить лицу "по освобождении от означенного надзора жительство в столицах и Санкт-Петербургской губернии впредь до особого распоряжения" или разрешить "ему повсеместное в империи жительство". При объявлении того или иного решения бывший поднадзорный оповещался о нем под "подписку" ⁵⁵. Кроме того, Департамент полиции мог разрешить по окончании срока гласного надзора и выдачу заграничного паспорта ⁵⁶.

Помимо видов полицейского надзора выделяются несколько их режимов: секретный (или негласный) и гласный, который подразделялся на обыкновенный и строгий ⁵⁷.

Секретному надзору подлежали лица, которые подавали повод к недоверию своими отношениями с преступными элементами общества или своими действиями, которые были направлены против общественного спокойствия, безопасности или нравственности. Поднадзорные не знали о тайном наблюдении за ними полиции и не подвергались каким-либо ограничениям личной свободы или гражданских прав ⁵⁸, но за ними велся тщательный контроль всех перемещений и связей ⁵⁹. Негласный надзор продолжался до снятия подозрений или до обнаружения фактов преступления.

Гласный надзор учреждался над нравственно и политически неблагонадежными лицами, и признавалось возможным не прибегать к более строгому наказанию, а ограничиться предупредительными мерами ⁶⁰. Он мог устанавливаться как по постановлению административных властей, так и по приговору суда. Строгий гласный надзор отличался более жестким наблюдением со стороны полиции, большим ограничением личной свободы и использования некоторых прав. Определение режима зависело от власти, учреждающей надзор.

Обыкновенному полицейскому надзору подвергались: лица, оставленные военными судами в подозрении по недостатку улик; лица, сосланные административным порядком на жительство в пределах Империи, а затем пожалованные и водворенные в прежнее место; политические выходцы из простого класса (крестьяне, рабочие), возвратившиеся из-за границы и водворенные на место жительства; те же лица, явившиеся из мятежнических банд и водворенные на место жительства; лица, проявлявшие нерасположение к правительству и политическую неблагонадежность; отданные по решениям гражданских судов под надзор полиции, когда в них не обозначено, что они отдаются под строгий надзор⁶¹. Строгий надзор полиции назначался: лицам, отнесенным военным судом к I, II, III, IV категориям преступников; сосланным административным порядком в ссылку, в Сибирь, а потом помилованным и возвращенным в место жительства; политическим выходцам дворянского и духовного звания, а также состоявшим до побега на государственной службе и вернувшимся на родину; лицам, уже бывшим однажды под надзором. Обыкновенный надзор учреждался на срок до двух лет, а строгий - до трех.

Если поднадзорные не исправлялись в своем поведении или совершали новые проступки или преступления, то они подвергались усиленному взысканию в следующей последовательности: перечисление из обыкновенного надзора под строгий; перевод на другое место жительства внутри края; передача суду или административная ссылка в отдаленные губернии Империи⁶².

Согласно Положению 1882 г. (а также Циркуляру МВД по Государственной полиции от 3 сентября 1882 г. N 2858 и Циркуляру МВД по Департаменту полиции от 1 декабря 1889 г. N 4113) по окончании срока одного режима

стр. 101

надзора он мог заменяться другим, о чем начальник губернского жандармского управления уведомлял губернатора⁶³. Например, московский мещанин П. П. Беседа после отбывания годичного срока административной высылки в Курской губернии был подвергнут негласному надзору⁶⁴.

После истечения срока надзора лица освобождались от ограничений в личной свободе и других правах за некоторыми исключениями: им не возвращались преимущества, которых они были лишены по суду; уволенные в результате надзора чиновники могли поступить на службу только под ответственность будущего начальства; в служебных книжках служащих, состоявших под надзором за кражу, в определенные судом сроки делались соответствующие отметки⁶⁵.

Списки поднадзорных постоянно подавались в Департамент полиции по следующей классификации: по делам политического характера и вообще о распространении революционной пропаганды⁶⁶; по бывшему польскому мятежу; по делам уголовным и вообще о нравственной благонадежности; о высланных с Кавказа горцах и о греко-униатах, высланных административным порядком по религиозным причинам, и вообще о лицах, высланных за принадлежность к сектам, соращение в расколе и т.п.⁶⁷. Исходя из пересылавшихся документов, видно, что главным основанием установления полицейского надзора были противоправные деяния политического свойства (противоправительственная пропаганда, принадлежность к революционному кружку, подстрекательство рабочих и крестьян к забастовке, участие в фабричных беспорядках,

хранение и передача противоправительственных изданий)⁶⁸, во вторую очередь - дела уголовного (кража, поджог, грабеж) и религиозного характера.

Двадцатилетний опыт действия Положения о негласном полицейском надзоре и его результаты показали, что в начале XX столетия было недостаточно принимаемых мер в новых общественно-политических условиях. Чины общей полиции в силу их немногочисленности и возможности собирать только общеизвестные официальные сведения о лицах не могли уследить за их противоправительственной деятельностью. А наблюдение за более серьезными преступными личностями и группами требовало хорошо организованной системы внутренней агентуры и наружного наблюдения. В силу этих причин циркуляром министра внутренних дел В. К. Плеве от 10 января 1904 г. Положение о негласном надзоре полиции и разъясняющие его документы были отменены, а проведение подобных мероприятий было передано чинам жандармских управлений и охранных отделений⁶⁹. Таким образом, вплоть до 1904 г. общая полиция была исполнительным органом полицейского надзора, деятельность которой на местах тесно переплеталась с работой жандармских управлений. В первую очередь это взаимодействие носило информативный характер - предоставление политической полиции сведений о прибытии и выбытии поднадзорных лиц, об их месте проживания, поведении, случившихся происшествиях⁷⁰.

В целом, юридическая конструкция полицейского надзора обращает на себя внимание потому, что, с одной стороны, он являлся мерой безопасности и был призван оградить общество от преступных покушений лиц уже отбывших наказание, а с другой - сам являлся наказанием. Особенность заключается в том, что он мог назначаться как в судебном, так и в административном порядке. Но полицейский надзор как особый вид санкции занял своеобразное место, потому что он только в исключительных случаях выступал как самостоятельное наказание, а чаще всего являлся неизбежным дополнительным придатком наиболее строгих наказаний, назначаемых по приговору суда. В Российской империи в силу разнообразия видов и режимов

стр. 102

полицейский надзор представлял собой достаточно сложную систему. Признавая несомненную ценность преследуемых им целей, в начале XX в. все же предлагались иные способы их достижения, такие как организация тайного надзора за подозрительными лицами без правоограничений, система личного или денежного ручательства, участие со стороны обществ и союзов.

Примечания

1. Продолжение Свода законов Российской Империи. Ч. 3. СПб. 1906; Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Прил. II к ст. 1.
2. Устав уголовного судопроизводства, п. 2 ст. 416.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО), ф. 1, оп. 1, д. 9708, л. 1, 2, 5.
4. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО), ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 1 - 7.
5. Государственный архив Воронежской области (ГАВО), ф. 1, оп. 1, д. 521, л. 1 - 674.

6. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9622, л. 1.
7. Там же, л. 1 - 1об.
8. Там же; Владимирские губернские ведомости. 1899, N 16.
9. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отд. I. Втор. пол. СПб. 1910, N 2155.
10. Право. Еженедельная юридическая газета. 1903, N 44, с. 2469 - 2541.
11. ПСЗ РИ, собр. 3-е, т. VI, 1886, N 3436 - 4137; 1888, N 3535, 3994.
12. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9813, л. 1.
13. Устав о содержании под стражею, ст. 334.
14. Циркуляры Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 3 июля 1901 г. N 8761, 20 июля 1902 г. N 10341, 13 января 1903 г. N 356 и 12 января 1904 г. N 538.
15. Циркуляр Департамента полиции от 21 марта 1905 г. N 1581.
16. Циркуляр Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 11 сентября 1886 г. N 2657.
17. Циркуляр Министерства внутренних дел по Земскому отделу от 18 февраля 1906 г. N 11.
18. Практическое разъяснение Прокурора Варшавской Судебной палаты 31 мая 1911 г. за N 11434.
19. Полицейский надзор. Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров. Ломжа. 1913, § 62 - 72.
20. ПСЗ РИ, собр. 3-е, т. II. 1882, N 587 - 1292; 1886, N° 730, ст. 3.
21. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9618, л. 1.
22. Циркуляр Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 31 января 1906 г. N 85210 и 9 марта 1913г. N 54163.
23. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9616, л. 1.
24. Там же, л. 3об. - 4.
25. Там же, д. 9671, л. 120.
26. ПСЗ РИ, собр. 3-е, т. II. 1882, N 587 - 1292; 1886, N 730, ст. 6; ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9857, л. 9.
27. ПСЗ РИ, собр. 3-е, т. II. 1882, N 587 - 1292; 1886, N 730, ст. 8; ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9674, л. 1 - 11, 13 - 17, 29.

28. Циркуляр Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 18 апреля 1882 г. N 1025.
29. ПСЗ РИ, собр. 3-е, т. II. 1882, N 587 - 1292; 1886, N 730, ст. 9 - 16.
30. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9620, л. 1, 5.
31. Там же, д. 9616, л. 8, И; д. 9622, л. 7; д. 9620, л. 1, 5.
32. ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 5749, л. 1 - 246.
33. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9740, л. 1 - 4; д. 9837, л. 1, 4, 7, 9.
34. Проект уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. 1871, ст. 339.
35. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9671, л. 39.
36. Циркуляр Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 18 апреля 1882 г. N 101.
37. Циркуляр Министерства внутренних дел по Департаменту государственной полиции от 18 апреля 1882 г. N 1025.
38. Полицейский надзор, § 83 - 86.
39. ПСЗ РИ, собр. 3-е, т. II. 1882, N 587 - 1292; 1886, N 730, ст. 23, 27.
40. Право. 1913, N 20, с. 1265 - 1269.
41. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9835, л. 7, 10, 11.
42. Там же, д. 9657, л. 228, 289 - 291, 322 - 326; д. 9733, л. 1; д. 9734, л. 1.

стр. 103

---

43. ПСЗ РИ, собр. 3-е, т. II. 1882, N 587 - 1292; 1886, N 730, ст. 29.
44. Там же, ст. 30, 31.
45. Там же, ст. 32.
46. Там же, ст. 34 - 38.
47. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, оп. 20. II д/п, д. 282, л. 1 - 494.
48. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 14466.
49. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 9852, л. 1 - 4.
50. Там же, д. 9857, л. 31 - 34; д. 9834, л. 14, 16.

51. Там же, д. 9835, л. 15.
52. Там же, д. 9861, л. 11; д. 9617, л. 7; д. 9619, л. 12.
53. Там же, д. 9844, л. 8.
54. Там же, д. 9617, л. 18 - 18об.
55. Там же, л. 12; д. 9815, л. 7; д. 9622, л. 21, 24.
56. Там же, д. 9746, л. 23.
57. Полицейский надзор, § 2.
58. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9703, л. 67.
59. ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 6393, л. 1 - 80.
60. ГАВО, ф. И-6, оп. 1, д. 602, л. 1 - 411.
61. Полицейский надзор, § 9.
62. Там же, § 11.
63. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9617, л. 17; д. 9619, л. 20.
64. Там же, л. 1, 3, 7, 12, 17, 18 - 18об.
65. Полицейский надзор, § 13.
66. См., напр.: ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 17054, л. 402 - 403.
67. ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9895, л. 5.
68. ГАВО, ф. 1, оп. 1, д. 581, л. 1 - 416; ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9617, л. 1; д. 9750, л. 1; д. 9815, л. 1; д. 9618, л. 1; д. 9621, л. 1; Д. 9619, л. 1; д. 9751, л. 13; д. 9733, л. 1; д. 9835, л. 2об. - 3; д. 9813, л. 2 - 2об.
69. ГАРФ, ф. 102, оп. 260, д. 116, л. 442 - 442об.
70. ГАКО, ф. 1642, оп. 1, д. 149, л. 16, 89, 101, 142, 303.